

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

Институт истории им. А.Дониша

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор —
академик АН Таджикской ССР
Б.А. Литвинский

Издательство "Дониш"
Душанбе — 1985

ница проходила примерно по Гиссарскому хребту; так, на юге делали тюбетейки с круглой тульей, на севере в сороковые годы — почти с квадратной.

4. С.П.Русаякина относительно тюбетеек Каратегина отмечала, что раньше в XIX в. жгутики (пилта) вообще не продевали, тогда шили мягкими. См.: Русаякина С.П. Указ. соч., с.169.

5. Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. — Изв. ТФАН СССР, №15, Сталинабад, 1949, с.91.

6. См.: Широкова З.А. Указ. соч., с.118.

7. В Гиссаре, как и в Муминабаде, узор на тулье делают также в виде четырех, не связанных друг с другом элементов; в Каратаге, как и в Кулябе, зашивается вся тулья.

8. В Дарвазе, если вышивалась бархатная тюбетейка, то рисунок наносили на ее левую сторону карандашом, затем делалась наметка по рисунку белыми или черными нитками, предварительно ворс бархата с лицевой стороны на месте вышивки срезался (см.: Широкова З.А. Указ. соч., с.132).

9. Такие же тюбетейки зафиксированы в Гиссаре, там, где живут таджики рядом с узбеками — дурменами (кишлак Шуриен, с/с Эсамбай). Там наряду с таджикскими тюбетейками вышивают и узбекские. В отличие от узбекских, таджикские тюбетейки называют то қ и и г ў л д ў з й (вышитые тюбетейки) или то қ и и қ а л а м д ў з й (вышитые по нарисованному), потому что в кишлаке Шуриен на узбекских шапочках узор не рисовался. Узбекские тюбетейки, называемые то қ и и к о д и е н й или то қ и и к о б о д и е н й (кабадианские тюбетейки), вышивают таджики, арабы Шаартуза и Кабадиана. Называют их там т ў п и и қ а л п о қ й. В кишлаке Сина (гиссарская долина, Денауский район) таким же швом вышивались тюбетейки, называемые то қ и и р ў и п и л т а. Сначала их кроили, потом прострачивали на швейной машине, затем вставляли жгутики (п и л т а), поверж образовавшихся ребер наносили контур узора и вышивали.

Такие же тюбетейки бытовали и в Туркмении у эрсаринцев южных районов Амударьи (См.: Винников Я.Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969, с.184, рис. 25), а также во многих районах Самаркандской области: в Челекском, Лошском и других; в городе Карши и его окрестностях; в селении Байсун Сурхан-Дарьинской области и других местах. См.: Сухарева О.А. Тюбетейки. — В кн.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, с.156-157.

10. См. полевую опись экспонатов, приобретенных в 1948 г. Кулябской этнографической экспедицией в Кулябе, Муминабаде и Ховалинге. КП №9, (9-9).

11. В отличие от равнинных центров, в горном Таджикистане тесьма вышивается без палец, за исключением Каратага, где женщины при вышивке пользуются прямоугольными пальцами.

12. Ср. с тесемками для тюбетеек в кишлаках Егид (Дарваз) и Нушор (Таджикабадский район): Широкова З.А. Указ. соч., с.135-137.

13. В Гиссарской долине (кишлак Сина) тулья аракчина делается, как и в тюбетейке, диаметром в одну четверть, затем тулью складывают в 8 раз, одну восьмую часть складывают пополам и ее половину срезают по радиусу. В кишлаке Арши (Каратаг) при шитье аракчина как для взрослого, так и для детей треугольник не вырезается, а загибается небольшая часть тульи по радиусу и прошивается.

Н. Н. ЕРШОВ

ПОХОРОНЫ И ПОМИНКИ У ТАДЖИКОВ ИСФАРЫ

О похоронных обрядах и связанных с похоронами обычаях таджиков Средней Азии существует большая литература. Одной из последних работ, посвящен-

ных этой теме, можно считать содержательную работу А.К.Писарчик, в которой приведена и большая библиография¹. Однако по Исфаре сведений об этом нет, почему мы и сочли возможным опубликование изложенного ниже материала².

Моги́лы (гӯр) в Исфаре ро́ют двух типов:

1. "Гӯри фаркатӣ" — когда моги́льный колодез — "айвони гӯр" (букв. — веранда моги́лы) — ро́ют квадратной формы, размером 1,5 х 1,5 м, глубиной до груди взрослого человека, а потом вдоль западной и восточной сторон колоде́ца выкапывают закрытые подбойные ниши, называемые "хонаи гӯр" (букв. — дом моги́лы), в которые и помещаются покойники при захоронении. Таким образом получается трехкамерная моги́ла катакомбного типа. Подбойные ниши начинают рыть в середине западной и восточной сторон моги́льного колоде́ца на уровне пола последнего. Сначала прорывают круглые отверстия, по одному с каждой стороны моги́льного колоде́ца, достаточные для протаскивания покойника в нишу. Они называются "дахани хонаи гӯр" (вход в дом моги́лы). Через эти отверстия вырывают в обе стороны моги́льные камеры ("хонаи гӯр"), длиной 2 м, шириной, достаточной для помещения 2—3 покойников ("ду-се мурда") и высотой в рост сидящего на полу моги́лы человека.

Входное отверстие, ведущее в подбойную нишу, после укладки покойника закрывают толстыми досками или бревнами из тутового дерева (шелковицы) и поверх них штукатурят глиняным с мелкой соломой раствором. Потом засыпают моги́льный колодез вынутой при рытье моги́лы землей, насыпая сверху холмик, который тут же, после похорон, поливают двумя ведрами воды. Холмик отмечают камнями, а в ближайший праздник Рамазана или Курбана его обмазывают ("андова мекунад") глиняным раствором с примесью мелкой соломы, обложив камнями.

2. "Гӯри ерма" — моги́ла с открытой подбойной нишей ("лахад"). Моги́льный колодез, как и у "фаркатӣ", называется "айвони гӯр". Подбойная ниша делается лишь с одной — восточной — стороны колоде́ца. Отверстие ее целиком открыто в сторону колоде́ца. Высота подбоя примерно такая же, как и в моги́ле первого типа, т.е. около 75 см. После того как покойника поместят в нишу, ее открытую сторону закладывают поставленными стоймя на короткое ребро специально изготовленными для этой цели сырцовыми кирпичами, длиной в 1 "газ" (газ равен 4 четвертям или 1 аршину), шириной в 2 "вачаб" (вачаб равен 1 четверти) и толщиной в 3 пальца ("се ангушт"), т.е. примерно 72 х 18 х 6 см. Поверх кирпичей делается обмазка глиняным раствором с примесью мелкой соломы.

Моги́лу ро́ют 3—4 человека, посторонних умершему, что считается богоугодным делом ("кори савоб"). Моги́льщикам платят от 15 до 30 руб. каждому. Моги́лу ро́ют при помощи мотыги ("каланд") с несколько укороченной ручкой и тетшой — местным топориком типа кельта.

Когда умирающий впадает в агонию, ему капают в рот с намоченного кусочка ваты несколько капель воды. Затем умершему связывают ноги и руки, вытянув предварительно их вдоль туловища, и подвязывают подбородок. Это выполняет один из ближайших родственников покойного (мать, отец, брат или сестра), но не муж и не жена, так как оставшийся в живых один из супругов считается после смерти другого уже посторонним человеком ("номаҳрам"). Если у покойника глаза остались открытыми, то берут с пола дома горстку земли и прижимают ею веки, приговаривая: "Бемалол чашматона пӯшед, ин дунёба дилатона кашол накунед, ҳамаи моҳо ҷоямо ҳамон дунёба мешат, бачу качатон рӯзаша мабинанд" ("Без огорчения закройте свои глаза, не тянитесь сердцем своим к этому миру, всем нам место на том свете будет, дети ваши проживут и без вас, как им положено").

Вслед за этим приглашают обмывальщиков. Обмывание выполняют четыре человека: обмывальщик ("поکشӯ"), тот, кто поворачивает покойного ("устухондор"), подогревальщик воды ("обгармкун") и поливальщик ("обрез"). "Покшӯ"

моем труп, надев на руки мешочки из местного бумажного холста ("халтай карбосй"). "Устухондор" поворачивает труп при обмывании. "Обгармкун" приносит воду и нагревает ее в котле, в котором обычно готовят в доме пищу, полый тыквой-горлянкой ("ниговкаду") зачерпывает, как ковшом, воду из котла и наполняет ею сосуд ("обдаста" или "офтоба"), представляющий собой кувшин (обычно глиняный, иногда медный) с высоким горлышком, длинным носиком и ручкой. "Обрез" поливает из этого сосуда воду на труп по указаниям "поکش". Обмывание проводят в доме на деревянных носилках с ножками ("тахтай мурдашуй"), которые к тому времени приносят родственники покойного со двора кладбищенской мечети, где носилки обычно хранятся. Устанавливают их в доме, предварительно вырыв под ними небольшое углубление, куда должна стекать вода при обмывании. На носилках, под труп, расстилается кусок белой материи. (тахтапуш"), обычно из карбоса. Сверху труп закрывается от пояса до колен куском карбоса ("шармпуш" — закрывающий срам — стыд). При обмывании этих закрытых частей трупа "поکش" подсовывает руки под материю, которой закрыт покойник. При обмывании никого, кроме обмывальщиков, в доме нет. Женщин обмывают обмывальщицы, а мужчин — обмывальщики.

Во время обмывания "поکش" читает установленные молитвы. Если же он их не знает, то приглашают знающего человека. После обмывания на покойника надевают "рубаху" ("курта"), представляющую собой сложенный вдвое длинный кусок материи, на месте сгиба которого вместо ворота прорвано отверстие для продевания головы. Длина этой "рубахи" — ниже колен. На голову старых (60-70 лет) женщин надевают чепец ("кулута"), сшитый из карбоса, вытканного в месяце Раджаб. Волосы у женщин заплетают в две косы и кладут на грудь по обе стороны шеи. Их называют "такфинтаркун" (?). Следят, чтобы руки покойника были вытянуты вдоль туловища. Поверх рубахи труп завертывают в саван ("такфин") и перевязывают по груди и по бедрам кусками карбоса. На женщин еще повязывают "сиабанд" (нагрудная повязка). Одев покойника, кладут его с открытым лицом на расстеленное на полу дома одеяло. Носилки остаются стоять в доме. Остатками воды из котла умываются женщины, а старухи, больные и дети даже совершают "гусл" (полное ритуальное омовение) остатками воды, которая считается преисполненной благодати ("табаррук"), излечивающей и предохраняющей от сглаза. После этого носилки выносят из дома, а углубление, сделанное для стока воды при омовении, зарывают, предварительно бросив в него 7 зерен риса или 7 косточек персика. В эту же яму зарывают и старую рубашку покойного.

На этом месте в течение 40 дней ставят по вечерам чашку с водой ("як коса об"), с брошенными в нее листьями айвы ("беқи") и базилика ("райхон"), зажигают светильник с льняным маслом ("чирог ба равгани зафир"), который ежевечерне горит до полного сгорания всего масла. На день чашка с водой ставится в нишу, куда убирается и потушенный к утру светильник. Некоторые отпивают немного воды, а остатки выливают на то место, где была яма. Чашку с водой ставят перед началом обмывания покойника (?) в нишу, а на ночь — на то место, где стояли носилки, на которых обмывали труп. Одновременно, т.е. перед началом обмывания, в нишу ставят на подносе немного муки, которая стоит там 6 дней. В канун седьмого дня из нее варят "хавлои тар" (сладкий кисель) ("орди кубба").

Рядом с водой и мукой ставят также на тарелке немного (фунт или полкилограмма — "як қадоқ-нимкило") сушеного урюка, который после обмывания раздают по четыре штуки обмывальщикам, а остальное выносят из дома на айвон или во двор и раздают присутствующим. Этот урюк называется "Даханширини" (сладость рта).

Обмывальщикам платят по 15-20 руб. и раздают некоторые вещи покойного. "Покш" получает больше других: халат, рубашку, штаны, тюбетейку, пояс-

ной платок, ичиги с галошами, один чайник и пиалу умершего, а также одежду, бывшую на нем перед обмыванием. "Устухондор" получает рубашку, штаны, халат, иногда ичиги и галоши; "обрез" — "шармпуш" (кусок карбоса), которым при обмывании накрывали покойника; "обгармкун" — рубашку или старую обувь покойного ("кафши кухня"), а иногда — ничего, кроме денег. Обмывальщиков приглашают на поминальную трапезу на 8-й день после похорон.

По окончании обмывания в дом призывают родственников, которые в последний раз смотрят на лицо умершего, после чего саван закрывают. Это происходит довольно быстро.

Начинается оплакивание. Считается, что плач укрепляет сердце покойного ("гирья дили мурдари куват метият"). Считается также, что мертвый слышит все происходящее вокруг него до третьего призыва на заупокойную молитву, называемого "салоти чаноза" ("мурда то се салоти чаноза шудана мешунавад"). Первый из этих призывов произносится при выносе покойника из дома, второй — при приближении похоронного шествия к кладбищу, а третий — при внесении покойника во двор кладбищенской мечети, где происходит "намози чаноза", после чего покойника несут к могиле и хоронят. В могилу его опускают три человека. Если хоронят женщину, то это должны сделать близкие родственники по линии ее родителей ("одамони макрам"), но не отец и никак не по линии мужа умершей. Обычно умершую кладут в могилу ее брат и очень часто дядя по матери ("таго"). Если же таковых не окажется, то это делает посторонний человек, с которым покойная задолго до смерти вступила в побратимство, т.е. ее "брат до страшного суда" ("додари киёмат").

Покойника вносят в могилу головой вперед и кладут на место в "лакад" или в "хонаи гур" головой на север, ногами на юг и лицом поворачивают на запад, в сторону "қибла". Перед лицом втыкают в землю палочку с расщепленным концом, в который вставляют "ответное письмо" ("чавобнома"), написанное имамом на полоске бумаги. Иногда "чавобнома" пишут просто пальцем на лбу умершего. Никаких других предметов в могилу не кладут.

Иногда бывают такие совпадения, что после чьих — либо похорон заболевают и даже умирают родственники похороненного. В таких случаях считают, что покойник либо закусил зубами свой саван, либо лежит неправильно. Тогда могилу разрывают, и если окажется, что это действительно так, то саван вывобождают из зубов, а взамен его в зубы умершего вставляют палку ("то ки мурда ин номаъкулия накунад" — чтобы мертвец не делал такого бесчинства) или же поправляют положение тела, рук или ног. По словам осведомителя, был такой случай, когда у одной похороненной старухи руки оказались сложенными на груди, — очевидно, не досмотрели при обмывании и обрядлении покойницы.

В прежнее время не полагалось хоронить в старую могилу раньше, чем через 30 лет после первого захоронения (в могилу "гүри ёрма", рассчитанную на захоронение одного человека), так как считалось, что мертвец до 30 лет имеет право на свою могилу ("мурдая то си сол гурба хаққаш аст"). Теперь этот срок строго не соблюдается, хоронят в старую могилу и раньше. В таких случаях останки прежнего покойника собирают и зарывают в одном из углов могильного колодца, а в лакаде очищают верхний слой земли и выбрасывают ее наружу. В могилах "гүри фаркати", рассчитанных на несколько человек, первого покойника кладут ближе к стенке, противоположной входному отверстию ("даҳани хонаи гур"), остальная же площадь погребальной камеры остается свободной, в ожидании следующих своих "обитателей."

О степени сохранности трупа опытные могильщики узнают по звуку от удара кетменем по верку намогильного холма. "Агар чарангас кунад — гур салом метият" (если могила издает звонкий гул, значит она здорова, и тем самым как бы говорит, что покойник исчез (истлел)); если же могила издает (глухой) звук "гуп-гуп" — мертвец еще там ("гуп-гуп карда истад" — "мурдаш ай").

При входе на кладбище здороваются с похороненными там, говоря: "Здавстуйте, люди могил, будьте готовы, близко восстание мертвых, будьте мужественны, нам всем место здесь" ("Ассалому алайкум, аҳли қубур, ҳозир бошетон, қиёмат наздик, мардона бошетон, ҷои ҷамамо ҷаминчо").

В очаге дома, где грели воду для обмывания, до трех дней огня разводиться не полагается. Котел, в котором грелась вода для обмывания, в течение семи дней для приготовления пищи не употребляется. Поэтому чай кипятят на айване, а если в доме нет другого котла, то пищу приносят соседи или родственники, чтобы ели оплакивающие ("то тазиядоро хўранд").

В день похорон, вечером ("беғоҳи аввалба"), на террасе или в другом помещении, но не там, где происходило обмывание и лежал покойник, а иногда у соседей, варится сладкий мучной кисель ("ҳавлоти тар"). Им угощают имама мечети, замужних женщин и старух, собравшихся к этому времени в доме умершего. Других угощений в этот день не бывает.

В течение трех дней, считая со дня смерти, в доме совершается моление ("фотеҳа"), на которое собираются домулло-имам и жители (мужчины?) махалли. Причем те, которые участвовали в похоронах, обязательно все три дня ходят на фотеҳа. Те же, кто был лишь на фотеҳа в первый день, т.е. в день похорон, но на похороны не ходил, могут этим ограничиться и не приходить на фотеҳа в остальные два дня. Пришедшим подают хлеб, чай, немного сушеного урюка, иногда сахар.

Рано утром на третий день после похорон, до утреннего намаза, т.е. затемно, родственницы покойника или покойницы и дети (в том числе и мальчики) в траурных одеждах синего цвета ("куртаи кабут"), повязав кушаки ("фўта"), посещают могилу ("сари хок равӣ"). Иногда участвующие в этом женщины, не проживающие в том доме, собираются в доме покойного с вечера. Прийдя на могилу, оплакивают покойного, а после утреннего намаза ("намози бомдод") возвращаются. К этому времени в доме умершего собираются домулло-имам и суфи мечети, а также родственники. Женщины приносят с собой по блюду плова, закрытого тремя слоенными лепешками ("қатлама"), и передают хозяйке дома. Мужчины размещаются в мехмонхоне на внешнем дворе ("мехмонхонаи беринанда"), а женщины проходят на внутреннюю половину, где во дворе происходит оплакивание ("чаркашӣ"): женщины становятся в круг и под чтение начетчи ("бие-тун") плачут и причитают ("гиряву чаркашӣ мекунад"). После этого приступают к завтраку ("ноништаба сар мекунад"). Ближайшие родственники, одевшие траур по умершему ("соҳиби азо"), в чаепитии участия не принимают.

Собравшимся подают чай, варенье, хлеб. Если это происходит в сезон фруктов, то подают виноград, дыни. После чая подается принесенный пришедшими плов, который хозяйка раскладывают на блюда, по одному блюду на три человека. Затем подается что-либо из горячих блюд, приготовленных уже самими хозяевами ("дами гарми худаша метиан"). Обычно принято подавать поклёбку из риса с машем ("мошу гурунҷ"). Пока происходит трапеза, хозяйка распределяет всем пришедшим лепешки, как испеченные в доме, так и принесенные пришедшими. В дом полагается принести нечетное число лепешек. Из дома же выносятся четное. Домулло-имаму в этот день дают 4 лепешки, остальным мужчинам по 2 лепешки. Женщинам на троих кладут в блюда, в которых они приносили плов, по 6 простых лепешек (не слоеных), немного фруктов ("мева" — урюк), а также сахар, конфеты. Все это сверху покрывают двумя слоеными лепешками из принесенных пришедшими поутру.

После этого женщинам раздадут платочки ("иртиш"), небольшие куски карбоса или ситца. Наиболее близким родственницам дают головные покрывала ("сар-парто") из белой кисеи ("дока"). Эти женщины обязаны до 1 года соблюдать траур, не посещать праздничных собраний — туев, а не то им будет грех ("набошат айб мешат"). После этого все расходятся. В тот же день с утра, в виде "ирима" (магическое действие для предотвращения дурных последствий чего-нибудь) стирают

несколько вещей умершего ("рӯзи сеюм ирим карда якта куртаву як-ду рӯмолчаи мурдая пагоҳӣ қати машӯянд"). Вообще же стирка одежды происходит на 7-й или на 9-й день.

На 6-й день вечером устраивают поминки ("беғоҳи ҳафт"). В этот день котел, в котором грели воду для обмывания и долго не готовили пищу, так как он считался нечистым, раскаляют на огне и обрызгивают водой ("катрон мекунанд"), после чего котел считается чистым ("ҳалол"). В нем вечером, на закате солнца ("намози асрба"), варят сладкий кисель из муки, стоявшей в течение шести дней на подносе в нише дома, рядом с водой. Кисель этот называется "хавлои тар".

В дом приходят домулло-имам, суфи мечети и ближайшие родственники (акрабо): мужчины, а также женщины — соседки по улице. Приглашаются старики (кампирҳоя хабар мекунанд). Читают Коран, после чего пришедшим подают чай, хлеб, фрукты и в пиалах кисель. Горячего не готовят ("дами гарм намекунанд"). Не пришедшим по какой-либо причине соседям рассылают кисель и лепешки.

На седьмой или девятый день после похорон, т.е. в нечетный день ("рӯзи тоқба"), устраивают "оши чомашӯен" (угощение по поводу стирки). Накануне или рано утром оповещают тех женщин, которые на поминках, устраивавшихся на третий день — день посещения могилы женщинами, получили кисейные платки, а также соседок. С утра домашние стирают одежду умершего; и по одной вещи каждого члена семьи. Приглашенные собираются часам к пяти вечера. Женщины приносят по 7 или 9 лепешек и передают их хозяйке дома. Потом собравшиеся читают Коран, после чего опять оплакивают покойного и женщины стирают по одной своей вещи, принесенной с собой. После стирки пьют чай с хлебом, затем подается жидкая каша из риса с кусочками мяса или плов. Перед уходом хозяйка дома раздает пришедшим принесенные ими лепешки, заменив у каждой три лепешки своими или, вернее, лепешками, принесенными другими женщинами. Если кто-либо из приглашенных женщин не смог прийти, то хозяйка дома посылает ей кусок мыла ("як кулча собун мефирисонад").

На девятый день после похорон, если он приходится на четверг или воскресенье, к вечеру, после намаза "аср", устраивают "оши хабар" (или "оши худой"). Если же девятый день приходится на какой-либо другой день недели, то эти поминки устраиваются на день или два позже или раньше с тем, чтобы они пришлись на канун пятницы или понеделника.

В этот день режут козла или барана и варят плов, а те, что победнее, приготавливают густой суп с поджаренным мясом ("кавурма"). Посланные специально люди оповещают жителей махалли словами: "Идите на поминки к такому-то" ("фалониба худой раветон"). Женщин приходит не так много, только родственницы и носящие ~~визит~~ траурную одежду ("занак оқа мул намебиен, ҳамон елу уруқу миёнбандҳо"). Мужчины приходят только приглашенные. После чтения Корана и оплакивания подают чай, за которым следует плов или кавурма. Приходящие на поминки женщины приносят с собой 5 слоеных и 4 обычных лепешки, три из них хозяйка дома заменяет своими и возвращает уходящим.

На сороковой день приглашают домулло-имам, родственников и жителей махалли. Приглашают посланные для этого люди словами: "Идите на сорочины к такому-то" ("фалониба чилба раветон"). В этот день готовят горячие кушанья ("дами гарм") — рисовую молочную кашу ("ширгурунҷ") и плов. После еды пришедшим раздают кусочки белого материала ("сафедӣ") — суф или карбос. В число приготавливаемых в этот день кушаний входят нишалло (род крема из взбитых яичных белков и сахара) и варенье. Уходящим раздают по 4 лепешки.

По прошествии сорока дней, после окончания определенного для ношения траура периода, который иногда затягивается до одного года ("баъди хатмишкан"), устраивается "азогирон", или "азокушой", — снятие траура. Это проводится в до-

ме ближайших родственников умершего, его матери, отца, дочери и других, проживающих в другой махалле (?). Из махаллы, где жил покойный, на "азогирон" зовут лишь тех женщин, которые носят по нему траур ("аз махаллаи соҳиби мурда фақат миёнбандо мебиён"). Из жителей той махаллы, где происходит "азогирон", приглашают женщин и нескольких мужчин из родни ("аз хешу ақрабо"). Продукты для приготовления кушаний посылаются из дома умершего. Глава дома тоже сам приходит на "азогирон", чтобы присматривать за порядком и готовить еду ("дегу табакба нигоҳ мекунад").

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Писарчик А.К. Смерть. Похороны. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, Вып. III, с. 118–164. и 176–194.

2. Приводимые сведения были записаны автором в 1950 г. в г. Исфаре со слов местного жителя Хасанхона Аюбова, таджика 60 лет, сторожа женского интерната.

М. А. ХАМИДЖАНОВА

МУЖСКИЕ ДЖАХРЫ В ПОХОРОННЫХ ОБРЯДАХ ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА

За годы Советской власти в Таджикистане, в том числе и в долине Зеравшана, совершенно изменилась культурно-бытовая жизнь населения. Вместе с тем у таджиков, как у многих народов Средней Азии, сохранилось немало элементов традиционной бытовой культуры, которые еще глубоко не исследованы и могут исчезнуть незафиксированными в век научно-технической революции и социального прогресса.

Поэтому изучение традиционной духовной культуры, отразившейся в семейном обряде, в наше время весьма актуально, так как оно дает ключ к раскрытию важных процессов сложения культуры таджиков, развития этнических групп и их ареалов, что в этнографическом аспекте исследовано пока еще недостаточно. Один из важных разделов традиционной культуры является похоронный обряд.

Как известно, нигде так устойчиво не сохраняются архаические пережитки, как в похоронных обрядах¹. И в этом мы еще раз убедились, собирая материал для данной статьи, во время этнографических экспедиций в 1973 и 1977 гг. в селении Хушекат, Варзиминор, Зосун Айнинского района Ленинабадской области Таджикской ССР.

В долине Зеравшана, как и везде, все еще сохраняются древние традиции в этих обрядах. Многие обряды, исполняющиеся во время похорон, противоречат религии ислама. Как известно, ислам выступал против всяких торжественных и пышных похорон, категорически запрещал рыдания, громкое оплакивание и причитания, распущенные волосы в знак глубокого траура, ношение траурных одежд, царапание или мазание сажей лица, траурные танцы не только вокруг умершего, но и вокруг носилок и т.д.² Хотя религия ислама и господствовала в Средней Азии более двенадцати веков, однако до настоящего времени во многих траурных обрядах наличествуют элементы, противоречащие нормам шариата.

Одним из древних обрядов в верховьях Зеравшана во время похорон являются мужские коллективные танцы вокруг пустых носилок умершего, а иногда и носилок с покойником. В этнографической литературе приводились данные о женских танцах во время похорон, как у таджиков³, так и у некоторых других народов Средней Азии⁴. А.К.Писарчик, ссылаясь на О.Муродова, сообщает, что женские танцы во время похорон исполнялись в селении Кулбай-Поён (Самарканд). По нашим наблюдениям, они бытуют среди равнинного населения Зеравшанской

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

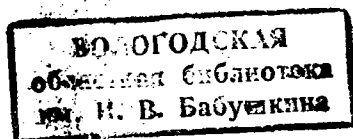
ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

Июль — Август

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Н. Н. Ершов

**СОБРАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ им. А. ДОНИША
АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР**

В 1951 г. в Душанбе на базе Таджикского филиала АН СССР была создана Академия наук Таджикской ССР, а в ее составе — Институт истории, археологии и этнографии, переименованный в 1962 г. в Институт истории им. А. Дониша.

Сектор этнографии этого Института продолжал начатое ранее комплектование этнографических коллекций. Этнографические коллекции пополнялись в основном во время выездов экспедиционных отрядов сектора в районы и города республики, где параллельно со сбором сведений по заданным темам приобретались у населения отдельные предметы для музея. Активно участвовали в комплектовании собрания сотрудники сектора Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик, М. А. Хамиджанова. Материалы для музея покупались и в Душанбе, а отдельные вещи были подарены Институту разными лицами. Постоянную заботу о комплектовании коллекций проявлял ныне покойный первый директор Института академик АН Таджикской ССР профессор А. А. Семенов.

В настоящее время в фондах Института собрано около 8 тыс. предметов, отражающих развитие народного прикладного искусства и ремесленного производства в разных районах Таджикской ССР. Некоторые экспонаты уникальны. Собрание состоит из нескольких коллекций: керамики; одежды, тканей, вышивок; ювелирных изделий; предметов домашнего обихода и орудий производства.

Так как большая часть экспонатов покупалась на местах, то они довольно точно паспортизованы, что увеличивает ценность коллекций. Однако есть и такие предметы, у которых паспорта не совсем точные или вовсе отсутствуют. Это касается главным образом отдельных ремесленных изделий, производство которых уже давно прекратилось, например ювелирных украшений и посуды.

Наиболее крупная по числу экспонатов (свыше 1000 предметов) коллекция народной керамики; в ней представлены изделия почти всех центров гончарного производства Таджикистана. Почти все экспонаты паспортизованы. Как правило, известно имя создавшего их мастера, время и место изготовления.

Издавна у таджиков существовало как мужское, так и женское гончарство, причем ареалы того и другого можно довольно четко определить: к северу от Гиссарского хребта распространено мужское гончарство, а к югу от него — женское. Исключения составляют лишь Каратаг с его мужским гончарством (к югу от Гиссарского хребта) и долина р. Ягноб на север от хребта, где бытовала женская керамика. Мужское гончарство, как правило, характерно для городов, женское гончарство — для сельской местности.

Мужская керамика, представленная в нашей коллекции, в большинстве случаев покрыта глазурью и щедро расписана красками, изготовленными из красителей, добываемых в горах Таджикистана. Это марганец, дающий при обжиге коричнево-фиолетовый цвет, красная и

Рис. 1. Керамика: а — *куза* — кувшин для воды, изготовлен в 1966 г. Ш. Назаровой, сел. Зульмобод, Яванский р-н, КП 644—255; б — *мангыча* — кувшин для воды, сделан в 1946 г. в сел. Сари-рег (Дашти-Джум) (КП 13—20); в — *коса* — миска, сделана в 1971 г. У. Мелиевым в Кандибадаме (КП 641—216)

белая глины, окись меди, с помощью которой получают зеленый цвет различных оттенков, а при поташной поливе — бирюзово-голубой. Перемолотая железная окалина дает желто-коричневую окраску. Из привозных красителей ранее широко и умело использовался кобальт в чистом виде и с примесью окиси меди для окраски изделий в сине-голубые тона. Применяли также привозную окись сурьмы, дававшую при обжиге зеленовато-желтые цвета. В последние годы наряду с упомянутыми выше природными стали употреблять и промышленные красители.

Женская керамика не знает глазури. Вместо нее в ряде мест применяется ангобирование отмученной глиной, после чего кое-где изделия подвергаются еще и лощению.

В коллекции представлена мужская керамика, изготовленная гончарами Бобохалимом Мукумовым, Абдурозиком Назаровым и Саидом Расуловым из Каратага, Рахматом Ходжаевым из с. Урмитан на Среднем Зеравшане, Ашуром Мавляновым, Бободжаном Мавляновым и Усманом Мелиевым из Канибадама, братьями Сохибовыми из с. Чорку Исфаринского р-на.

Из керамики предреволюционного периода и первых лет Советской власти большой интерес представляет прекрасная коллекция изделий гончаров с. Чорку (свыше 600 предметов). Своими художественными достоинствами выделяются блюда, *коса* — миски и большие *кыф* — кринки с четырьмя ушками по бортикам работы мастера Гоибназара. Эти предметы богато расписаны по белому ангобу кобальтом чудесных глубоких сине-голубых оттенков. Изящный и тонкий рисунок отличает изделия мастера Абдунаби; крупный и свободный мазок и прекрасный бирюзовый цвет орнамента, нанесенного по белому ангобу, характерен для керамики мастера Усто Мели. Из посуды, называвшейся *чинни мусульмони* или *ялгончини*, выделанной под китайский фарфор, с сине-голубым орнаментом по белому фону, в коллекции имеется несколько

Рис. 2. *Куртаи чакан* — платье, вышитое в 1952 г. Н. Хабибуллаевой, сель Зыгар (Дарваз) (КП 273—207)

Рис. 3. *Куртаи гульбаст* — платье из карбоса, окрашенного техникой перевязки в 1948 г., Дашти-Джум (Куляб) (КП 9—45)

небольших мисок. Они приобретены в Ленинабаде, Ура-Тюбе, Канибадаме, Чорку.

Среди женской керамики в коллекции выделяются разнообразием форм, красным лощением и изысканным лепным декором изделия Сайлон Сохатшоевой из с. Егид. Интересна и лощеная керамика из с. Давлятабад на юге Кулябской области. Своими формами и особенно орнаментом, выполненным железистой глиной по светло-коричневому ангобу, отличаются изделия мастериц из с. Дашти-Джум (в настоящее время женское гончарное производство здесь прекратилось). Привлекает внимание и керамика мастериц с. Тусанбог, украшенная примитивным орнаментом, нанесенным железистой глиной по светлому ангобу. В коллекции имеются изящные по форме сосуды из с. Тегерми и Самсолук Гармского р-на. Этнографы Института выявляют все новые центры производства женской керамики и продолжают сбор ее образцов. За последние годы, например, женское гончарство было обнаружено в селениях группы Зидды в ущелье р. Варзоб, с. Ширгин на Западном Памире, селениях Гиссарского р-на (в ущелье р. Хонако). Еще не обследованы центры женского керамического производства в ущелье Висхара в Дарвазе (выше Калаи-Хумба) и в Шугнane, выявленные нами в 1954 г.

Говоря о керамике, нельзя не упомянуть большую коллекцию игрушек-свистулек из обожженной глины (либо раскрашенных, либо глазурированных) работы каратагских мастеров Абдурозика Назарова, Хакима Мукумова и Маннона Кодырова, ура-тюбинских мастеров Гафора Халилова и Хамида Каримова, а также талантливо выполненных игрушек-статуэток, изображающих горную козу с козлятами работы упомянутой выше мастерицы Сайлон Сохатшоевой. Следует отметить, что игрушки, выполненные А. Назаровым и Г. Халиловым, уже можно рассматривать как малые формы скульптуры.

Коллекция таджикской одежды также довольно многочисленна. В ней богато представлены традиционные формы одежды таджиков конца XIX — начала XX в.: женские туникообразные платья с длинными узкими или широкими рукавами, мужские и женские распашные халаты, мужские и женские шаровары. Традиционный костюм долго сохранялся в быту и стал уступать место современному сравнительно недавно. В коллекции имеются и различные ткани. На основе коллекции одежды составлен «Альбом одежды таджиков», изданный в Душанбе в 1969 г. Конечно, в одном альбоме с ограниченным числом таблиц (40) трудно было показать все разнообразие собранных экспонатов, тем более, что часть таблиц посвящена украшениям. В альбоме совсем не представлены детская одежда, некоторые реликтовые формы одежды, украшения, служащие оберегами, и т. д. Однако по отдельным южным регионам эти пробелы восполнены работами научного сотрудника сектора З. А. Широковой¹. На ближайшие годы сектором запланированы такие же исследования и по таджикам северных районов республики.

В коллекции широко представлены шерстяные чулки узорной вязки из горных районов Таджикистана. Особенно красивы и сложны узоры на чулках припамирских таджиков.

Много в коллекции мужских и женских тюбетеек как современных, так и старинных. Следует заметить, что примерно до начала XX в. тюбетейки были принадлежностью только мужского костюма. Затем их стали носить молодые женщины, девушки и девочки, причем сначала в северных, а затем и юго-восточных районах республики. В настоящее

¹ См. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. II, Душанбе, 1970, стр. 116—201 и сб. «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», Душанбе, 1973, стр. 182—273.

время тюбетейка стала обязательной частью женского костюма. По форме женские тюбетейки повторяют мужские (они только богаче украшены). Исключение составляют лишь круглые тюбетейки с высокой тулей, их женщины не носят.

Тюбетейки из Ура-Тюбе, Исфары и Ленинабада отличаются особенно тонким и сложным узором, гармоничным сочетанием красок. По имеющимся в коллекции тюбетейкам можно проследить развитие их форм и орнаментации за последние 100 лет. Первоначально бытовали круглые с высокой тулей тюбетейки, сменившиеся четырехугольными тюбетейками с плоским верхом. Украшения старинных тюбетеек были очень лаконичными — четыре, часто двухцветные, розетки и одноцветная плетеная тесьма по околышу. Впоследствии весь фон стали зашивать многоцветным узором, а околыш обшивая бархатной полоской или вышитой тесьмой. В последние годы в широкое употребление вошли так называемые чустские тюбетейки, очень строгие, обычно двухцветные. Если раньше, примерно лет 50 назад, по тюбетейке можно было почти безошибочно определить территориальную принадлежность ее владельца, то сейчас это редко удается сделать — чустская тюбетейка распространилась повсеместно. В коллекции много и детских тюбетеек, в их украшении всегда присутствуют элементы оберега.

Многочисленны в коллекции одежды платки (женские головные, мужские поясные), в большинстве случаев украшенные вышивкой. Очень интересны головные платки северных районов из белой кисеи, один угол их и прилегающие к нему стороны вышиты разнообразным узором. Когда-то такие платки носили все женщины: в последнее время они стали частью ритуального костюма. Оригинальны бытовавшие до недавнего времени у таджичек Куляба широкие шарфы из белой кисеи с вышивкой на концах и платки, окрашенные техникой перевязки. Последние встречались и в Дарвазе, но там их делали из сшитых вместе нескольких полотнищ шелкового карбоса. В коллекции представлены и старинные *фута* — мужские кушаки, а также чалмы с вышитыми концами. Есть и женские траурные кушаки из кустарной набивной ткани, а также мужские пояса из соединенных шарнирами серебряных бляшек филигранной работы или пояса с нашитыми на полосу галуна или бархата серебряными бляшками с чернью и перегородчатой эмалью с массивными пряжками, матерчатые пояса, вышитые крестом, с портупеей и ножами для ножа.

Коллекция обуви недостаточна полна, поскольку старые образцы ее найти весьма трудно. Если старинные платья и платки хранились и передавались от поколения к поколению по наследству, то обувь обычно снашивали. Тем не менее сотрудникам сектора этнографий удалось приобрести образцы старинной обуви: несколько пар женских кожаных туфель-галош с низким задником и *махсии ироки* — ичиги казанской работы, сшитые из кусочков цветного сафьяна. Современная мужская и женская традиционная обувь представлена полнее. Это ичиги, которые носят с кожаными или резиновыми галошами, *чорук* — обувь типа сапог без каблучков, с высоким голенищем и мягкой подошвой, края которой загнуты на верх головки; *муки* — полусапоги с рантом, широкими набойками вместо каблучков и с низкими, чуть повыше щиколоток, голенищами. Есть и мягкие сапоги из ягнячьих или бараньих шкурок, сшитые мехом внутрь. Их носили в холодное время года в горных районах, преимущественно старики, причем надевали их с *кауши чубин* — деревянными туфлями, изготовлявшимися почти во всех горных районах республики, а в старину — и в предгорьях на северных склонах Туркестанского хребта. С Памира привезены *пех* или *чамус* — мужские, женские и детские мягкие сапожки, носившиеся без галош с шерстяными чулками. Имеется и приобретенная в горных районах *хомак* — обувь, сшитая чулком из сырых, не выделанных коровьих шкур

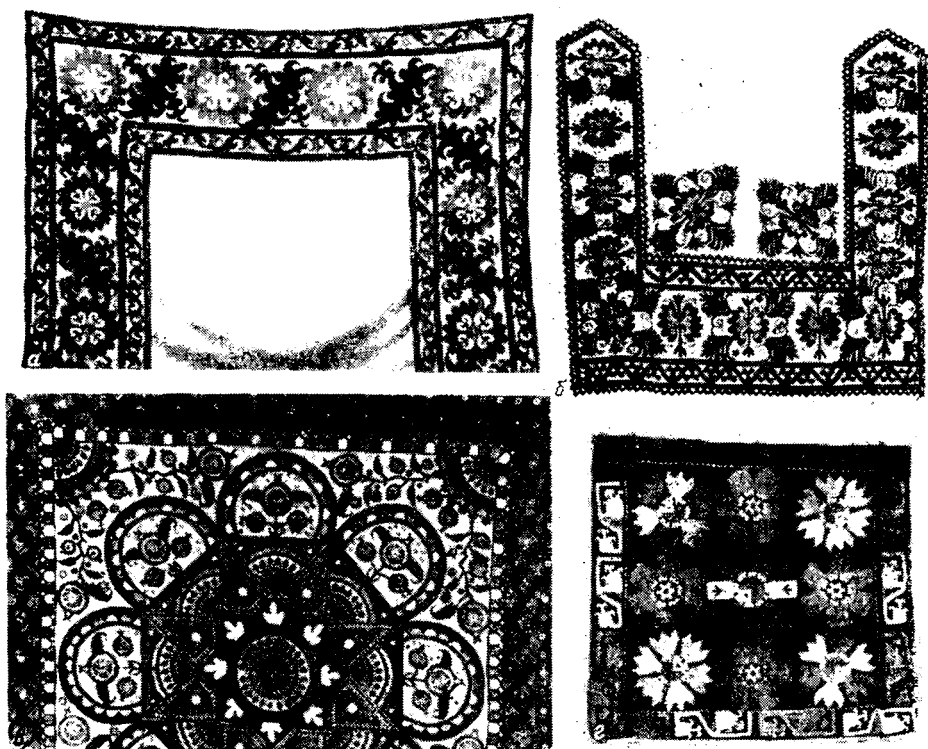

Рис. 4. Декоративная вышивка: а — *джойшун* — покрывало на свадебную постель, Ура-Тюбе, КП 146—5; б — *карс* — декоративная вышивка, Ура-Тюбе, КП 126—1; в — *ильгич* — локайская декоративная вышивка, КП 9—119; г — *сохт* — скатерть или декоративное панно, выполненное техникой набойки в Ура-Тюбе в 1960 г. мастером А. Джумаевым (КП 445—13)

шерстью наружу, которую носили в дождливую погоду. Деревянная обувь в коллекции представлена мужскими, женскими и детскими деревянными туфлями на трех каблуках и плоскими деревянными сандалиями, бытовавшими у припамирских таджиков.

Весьма много в собрании вышивок и орнаментированных тканей кустарного производства. О вышивках писать очень трудно, их нужно видеть. Можно сказать только, что в нашем собрании имеется уникальная коллекция вышивок, охватывающая период приблизительно за последние 100 лет. Отдельные образцы могут быть датированы и более ранним временем. Особенно полно отражено вышивальное искусство северных районов республики и населенных таджиками городов Джизака, Самарканда и Бухары.

Поскольку нами собрано множество вышитых платьев, наш Институт включен в книгу маршрутов творческих командировок для художников-дессинаторов, колористов и художников-модельеров текстильной и легкой промышленности СССР, изданную в Москве в 1972 г.

Говоря о вышивках, нельзя не упомянуть *рубанды* — вышитые лицевые занавески горных таджичек. В коллекции их более 20. Эти занавески — принадлежность свадебного костюма, но уже в начале нашего века они встречались очень редко². Нельзя обойти молчанием и уни-

² См. А. А. Бобринской, Орнамент горных таджиков Дарваза, М., 1900; Н. А. Кисляков, Свадебные лицевые занавески горных таджичек, «Сб. Музея антропологии и этнографии», 1953, т. XV, стр. 291—316.

Рис. 5. Каратагское платье из гиссарской шелковой алачи абрового рисунка (КП 346—6)

кальную коллекцию *ильгичей* — декоративных вышивок малой формы узбеков-локайцев, описанную в свое время Б. Х. Кармышевой³.

Золотошвейными изделиями наше собрание не очень богато. Как известно, золотошвейное дело до Великой Октябрьской социалистической революции было развито лишь в Бухаре. Золотошвеи обслуживали главным образом эмира и его приближенных. На территории современного Таджикистана этого ремесла не знали. Оно стало развиваться здесь много лет спустя после революции только в Душанбе, и то очень медленно — не было мастеров, не было нужных материалов. И лишь в последние годы в Душанбе на фабрике строчевышитых изделий значительно расширился ассортимент предметов, вышитых золотом. В коллекции имеется их набор — это тюбетейки, женские жилеты, туфли, сумочки и др. Представлены в ней и несколько крупных старинных золотошвейных изделий, таких, как *болинпуш* — накидки на подушки парадной постели, а также молитвенные коврики, два халата, одно платье. Есть в ней и много мелких, часто высокохудожественных изделий: *пеши курта* — двойные полосы для украшения переда платья, тюбетейки, мешочки для денег, печати или часов.

В коллекции имеется множество художественно оформленных и простых кустарных тканей. Среди них примерно 40 образцов *хисоры* — гиссарской шелковой алачи абрового рисунка (как в материи, так и в одежде), производившейся в Гиссарском бекстве, главным образом в Каратаге. Эта ткань широко расходилась по Средней Азии и за ее пределами. Есть и около 30 образцов хлопчатобумажной ткани, иногда с примесью шелка, иногда полушелковой алачи, большей частью полосатой, реже клетчатой, тоже каратагского производства. Значительный интерес представляют образцы старинных хлопчатобумажных и шерстяных материй, ткавшихся в Дарвазе и на Памире, а также *шохи*, *банорас*, *бекасаб*, *адрас*, *подиры*, *алоча* — шелковых и полушелковых материй из Ходжента, Бухары, Самарканда, Карши, Китабе. Эти ткани представлены либо в одежде (халаты, паранджи), либо в виде больших сшитых полотнищ, чаще на подкладке, иногда на очень тонкой стежке (полотнища использовались как *чимилик* — занавеска, за которой во время свадебного пира сидят невеста и жених, как *дарпарда* — за-

³ См. «Собрания Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», вып. 2, Душанбе, 1956.

навески на дверные проемы и пр., причем подкладки у них сделаны из старинных русских ситцев).

Имеются в коллекции и лоскутные текстильные изделия таджиков и других народностей республики, составившие обязательную принадлежность приданого невесты. Особенно разнообразны *курок* или *кырама* — лоскутные изделия таджиков Каратегина⁴.

В нашем собрании имеется несколько десятков образцов набойки из северных районов республики. Особенно красивы *сохт* — набивные скатерти или настенные панно, изготовленные в 1960 г. 80-летним масте-ром-набойщиком Ахмадом Джумаевым в Ура-Тюбе. Прежде набойка была широко распространена в городах Средней Азии. На территории Таджикской ССР в Ура-Тюбе сейчас работает всего один мастер набойки.

Значительное место в собрании Института занимает коллекция ювелирных изделий (свыше 600 экз.). Многие из них отделаны инкрустациями, кораллами, цветным стеклом, иногда с подложенной цветной фольгой, мелкой бирюзой или вместо нее голубым фарфоровым бисером, полудрагоценными камнями, жемчугом (чаще мелким), бадахшанскими лалами, перламутровыми, стеклянными и мастиковыми бусами, иногда раковинами каури, серебряными ажурными и глухими бусинами, пронизками из спаянной звездочками или квадратиками зерни, серебряными русскими монетами царского чекана или бухарскими таньга, изредка иранскими серебряными кранами и иногда даже серебряными монетами великих моголов и долларами США. В коралловых ожерельях в качестве пронизок встречаются металлические или мастиковые бусины, круглые или фигурные полые бляшки, украшенные напаянной или ложной зернью и штампованным орнаментом. Большая часть ювелирных изделий украшалась орнаментом — резным (чеканным), гравированным и штампованным, часто с чернью, цветной мастикой и эмалью, зернью, сканью.

Ювелирные украшения были преимущественно принадлежностью женского костюма. Мужские украшения — это лишь кольца, пояса, табакерки.

Все предметы этой коллекции по месту их бытования можно разделить на две основные группы: украшения из северных (равнинных) районов республики и украшения из южных (горных) районов. В Гиссарской долине, в центре Таджикистана, встречаются украшения как северной, так и южной групп. Далее в сообщении при характеристике ювелирных изделий мы иногда будем отмечать буквами (ю) и (с) украшения южных и северных районов.

Ассортимент бытовавших у таджиков ювелирных украшений как на севере, так и на юге республики был примерно один и тот же, но и по форме, материалу, работе, а часто и по названиям украшения северной и южной групп довольно четко отличались друг от друга. В «северных» украшениях редко встречается настоящая зернь. В них преобладает зернь ложная, сделанная штампом. Очень много вставок камней, голубого бисера, изредка бирюзы, применяются чернь, скань, эмаль, штампованный орнамент, подвески из перламутровых бусин. Южные украшения отличаются массивностью. В них очень умело и со вкусом применяются настоящая зернь, перламутровые бусы, пронизки из спаянных кружков шариков зерни: отсутствуют чернь и эмаль, сравнительно мало вставок, различных глазков, ясно виден металл — серебро.

В наших фондах встречается несколько типов ювелирных украшений. Среди них украшения головного убора, налобные, нависочные украшения, серьги, нашейные, нагрудные, наплечные украшения, браслеты, кольца, подвески к косам. Большинство перечисленных ювелирных изделий серебряные, иногда позолоченные, реже золотые.

⁴ См. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. II, Душанбе, 1970, стр. 203—224.

Рис. 6. Серьги: а — нати, б — балдок, в — чапари или мухаммади, г — гуза, д — кафаси, е — якандоз

В собрании имеются следующие типы украшений для головного убора: *сарсузан* — приколки для прикрепления головного платка к тюбетейке или к нижнему небольшому платку, состоящие из припаянных одна к другой нескольких монет, часто с подвесками; *бибищак* (с) — в форме якорей с подвесками или *гульдаста* (ю) — в форме треугольных пластинок с подвесками, украшенных зернью и глазками. Те и другие при помощи небольших крючков зацепляются за волосы по бокам головы; *гули тодж* (с) — приколка в виде фигурной пластинки со вставками из цветных стекол.

Имеется несколько типов налобных украшений. *Силсила* (ю) представляет собой повязку из фигурных бляшек, соединенных подвижно в

несколько рядов, с подвесками по нижнему краю. *Касаба* или *баргак* (с) состоит из соединенных в один ряд шарнирами квадратных пластинок, украшенных вставками из кораллов, перламутра, голубого бисера, с подвесками в форме листиков по нижнему краю и тремя или пятью фигурными выступами по верхнему краю, украшенными вставками из цветного стекла. *Коши тилло* (с) — ажурная диадема с подвесками по нижнему краю.

Нависочные украшения — *каджак* (с) делались в форме миндалевидной пластинки с загнутым концом, богато инкрустировались глазками; по нижнему краю шел ряд мелких пластинок.

Богато представлены в коллекции *гушвор нати* или *халка* — серьги. В основе серег нати лежит проволочное незамкнутое кольцо с протянутой внутри него проволочкой, на которую надеты бусины. Такие серьги чаще носят в южных районах. В северных районах они тоже бытовали в старину, причем иногда одну такую небольшую серьгу продевали в правое крыло носа, и называлась она тогда *нати бини*.

Гушвори кафаси — вторая разновидность южных серег — состоит из купольчика с подвесками, украшенного зернью. Очень похожи на эти серьги *халкаи гуза*, бытующие только в северных районах. У них три или пять подвесок, которые начинаются купольчиками полусферической формы с чернью; иногда по краю они инкрустированы голубым бисером или мелкой бирюзой.

В коллекции ювелирных украшений имеется и другой тип серег. Они состоят из кольца, нижняя внутренняя часть которого украшена ажурной решеткой. К внешней стороне кольца снизу припаяно нечетное число петелек (три, пять, семь); к ним крепятся подвески. Особую группу составляют *балдок* — серьги, бытовавшие в северных районах. Они изготавливались в городах Ферганской долины и завозились из Кашгара. В их основе лежит незамкнутый круг из проволоки с ажурной решеточкой внутри и по краю. Такие серьги, как правило, украшались зернью. К этому же типу примыкают серьги в форме опрокинутого концами вверх полумесяца со вписанной в него звездой.

В собрании имеется еще несколько пар серег из северных районов. Это *халкаи якандоз* или *тошканди*, т. е. ташкентские серьги, состоящие из фигурных пластинок, соединенных по вертикали колечками, и богато украшенные цветными глазками из кусочков зеркала, бирюзы или голубого бисера, зернью, сканью и многочисленными подвесками из бусин.

Много и таких серег, которые настолько индивидуальны, что их нельзя отнести ни к одному из перечисленных типов. Таковы, например, *халкаи мурут* — серьги в форме стержня с крючком на верхнем конце и большой ажурной серебряной бусиной. Есть серьги, оканчивающиеся кубиком или продолговатым выступом, напоминающим голову змеи. Во всей коллекции нет двух пар серег, точно повторяющих одна другую.

Из нашейных украшений южных районов в коллекции имеются *хафабанд*, *гулубанд*, *холи гулу*, *шавгин*, *джавак* и *цемак* — узорные полосы из цветного бисера. По имеющимся сведениям, в северных районах в старину тоже носили хафабанд, но в нашем собрании их нет.

Нагрудные украшения в коллекции богато представлены ожерельями. Ожерелья северных районов можно разделить на два основных типа. Первый — это большие парадные ожерелья из семи пластинок, соединенных цепочками. Они богато украшены позолотой, сканью, цветными глазками, голубым бисером и большим количеством подвесок из бусин и мелких жемчужин. Ко второму типу относятся ожерелья, состоящие из шести полых прямоугольных коробочек, заполненных гипсом. Центральная коробочка всегда сердцевидной формы. Эти ожерелья украшаются выпуклым штампованным узором, который обычно делают на синем фоне, а также подвесками из штампованных фигурных пластинок по краям.

Имеются в большом количестве и *марджон* или *мухраи-гардан* — коралловые ожерелья с различными пронизками, встречающиеся и на севере, и на юге, и *мангити* — ожерелья, привозившиеся из Туркестана. Они состоят из трех или пяти ниток кораллов вперемежку с позолоченными подвесками в форме листиков и листовидных кулонов с подвесками из стеклянных грушевидных бусин красного и зеленого цвета в середине каждой нитки кораллов. Очень интересны имеющиеся в собрании *мургак* (птица), *пайконча* (стрелка) или *тавк* — ожерелья, характерные для северных районов. Они состоят из ряда литых или спаянных из двух штампованных половинок фигурок, нанизанных вперемежку с бусинами. Литые фигурки напоминают стилизованные изображения птичек, а спаянные — наконечник стрелы; отсюда и пошло, наверное, название украшения. По нижнему краю эти ожерелья отделаны рядом подвесок из металлических ромбовидных фигурок или фигурок в форме полумесяца с обращенными вверх концами, в которые вписана пятиконечная звезда. Есть в коллекции и *тангаджавак* (с) — ожерелья из нескольких рядов серебряных монет, соединенных колечками, иногда вперемежку с медальонами, украшенными сердоликом и бирюзой. Представлены в ней и широко бытующие на юге *танга* или *хамели танга* — ожерелья из одного или двух рядов бухарских серебряных монет танга, нанизанных за припаянные к ним ушки вперемежку с коралловыми или темно-красными стеклянными бусинами с пронизками из спаянной квадратиками зерни. В центре такого ожерелья — медальон (большая монета или крупная бусина). Имеются в наших фондах *гарди хазина* — ожерелья из мелкого цветного бисера, нанизанного во много рядов, соединенных между собой так, что образуется сетка⁵. Среди экспонатов есть также *зира* — модные сейчас в южных и центральных районах республики серебряные ожерелья, состоящие из цепочки, иногда двухрядной, с подвесками из коротеньких цепочек, с тонкими пластинками в форме кружка, падающей капли или ланцетовидного листочка. Представлены в коллекции и *каламфурмарджон* — ожерелья из мелких кораллов в форме коротеньких палочек толщиною в спичку, нанизанных поперек, ожерелья из круглых и фигурных серебряных бусин и пр.

Имеющиеся в коллекции ювелирных изделий *кульфи гиребон* и *чима* (броши) приобретены в юго-восточных и южных горных районах республики и на Памире. В большинстве случаев они представляют собой кованные серебряные или литые бронзовые фибулы различной величины. *Садаф* — броши в виде круглых перламутровых пластинок с фестончатыми краями и несложным орнаментом на лицевой стороне характерны для Дарваза. Есть и броши из монет, приобретенные в северных районах.

Наплечные украшения — *саркитифи*, *китифак* или *бозубанд* довольно богато представлены в нашем собрании. Это круглые или овальные в поперечном сечении трубочки с крышечками на концах, которые подвешивались на цепочках по обеим сторонам груди, ближе к плечам. В трубочки вкладывались охранные молитвы, поэтому такие украшения играли роль оберегов. Трубочки эти отделаны чернью, зернью, гравировкой, иногда позолотой и подвесками из кораллов, различных бусин или монет. У некоторых крышечки имеют форму купольчиков. Некоторые трубочки сделаны из тонкой позолоченной фольги с выдавленным орнаментом и заполнены гипсом.

Характер оберега имели и довольно многочисленные в собрании *туморы* — амулеты в форме треугольных или прямоугольных плоских корбочек на длинных или коротких цепочках, тоже служившие футлярами для охранных молитв. Их иногда носили на груди.

Среди ювелирных украшений выделяются *джамолак*, *кокули джамолак*, *чура* — подвески к косам. В южных районах они представляют со-

⁵ По сообщению А. К. Писарчик, такие ожерелья из бисера бытовали и у таджиков Нур-Ата и назывались *шаб* (а) и *гарди хазина*.

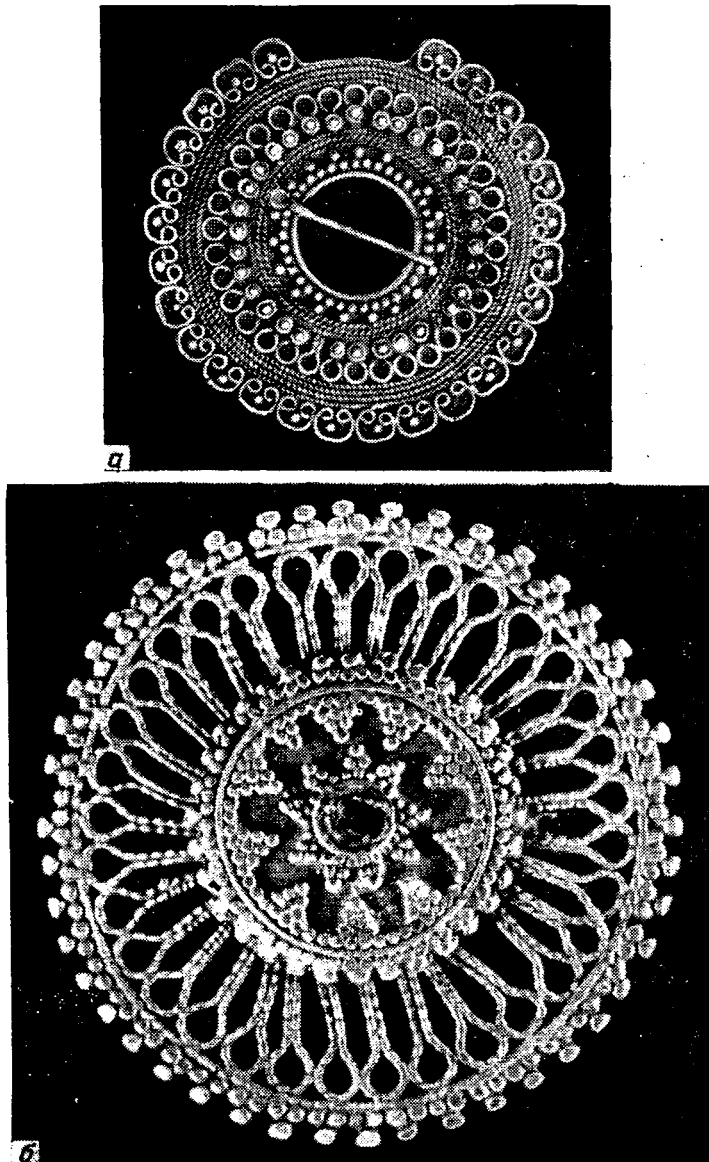

Рис. 7. Броши: а — *чима*, Памир (КП 663—3); б — *кульфи гиребон*, Куляб (КП 9—22)

бой длинные шнурки, оканчивающиеся кистями из цветного шелка, шерстяной пряжи или разноцветного бисера. *Чочпопук, пунак* — подвески из северных районов — также состоят из пришитых к горизонтальной полосе черных шелковых шнурков с черными кистями на концах, украшенных фигурными серебряными бусинами и куполообразными колпачками с подвесками. *Туф* — бухарские подвески — отличаются от них тем, что шнурки оканчиваются обмотанными золоченой канителью шариками, скрепленными между собой. Необходимо упомянуть и *заркокул* — подвески к косам из двух рядов серебряных монет царского чекана, широко бытовавшие в начале века в северных районах, особенно в Ура-Тюбе.

Кроме перечисленных в коллекциях имеются и другие ювелирные украшения, описание которых заняло бы слишком много места. Это флакончики для сурьмы, футлярчики с зубочистками, пинцетами, ложечками для чистки ушей, специальные серебряные палочки на кольцо, ко-

торые дают грызть детям, когда у них режутся зубы, стержни, предназначенные для того, чтобы делать пробор в волосах, пуговицы, наборные мужские пояса, пряжки к поясам, четки, печати, *ситора* — полосы черной тесьмы с нашитыми в несколько рядов серебряными бляшками, которые служат для украшения передней части платков, и пр.

Дагпона (дагпону, дагмона) — браслеты — представлены в собрании тоже довольно полно. По форме их можно разделить на плоские незамкнутые (браслет из круглого в сечении куска металла) и плоские замкнутые, запирающиеся при помощи занозки, продеваемой в отверстие, оставленные на концах браслета, и откидной крышечки-дверки.

В коллекции имеются плоские браслеты из одной сплошной полосы металла и ажурные; плоские браслеты из двух наложенных одна на другую полос, причем нижняя полоса, прилегающая к запястью руки, гладкая, а верхняя орнаментированная. Плоские браслеты из одной полосы металла покрыты гравировкой, чернью, на некоторых сделаны прорезы или штампом выдавлены шишечки. Ажурные браслеты украшены сканью, зернью и вставками из мелкой бирюзы или голубого бисера, некоторые позолочены. Плоские двойные браслеты украшены штампованным орнаментом, чернью, гравировкой, а также инкрустацией из мелкой бирюзы, голубого бисера, некоторые позолочены и имеют вставки-глазки.

Чалла или ангуштарин — кольца — в некоторых районах считались непременной принадлежностью женского наряда. В нашей коллекции имеются мужские и женские кольца. В первые вставлялись довольно крупные глазки из сердолика, из прозрачного красного камня и других камней или резные, часто сердоликовые, печати с именем владельца или же с орнаментом. У женских колец глазки сделаны из цветных стекол, серебряных бухарских монет — танга, кораллов, перламутра, причем в кольцах из южных районов эти глазки вставлены в припаянные к ободу кольца довольно высокие (до 1 см) конусообразные трубочки (от одной до четырех). Некоторые кольца украшены чернью. Имеются и роговые кольца с Памира.

Коллекция домашней утвари представлена большим количеством медных и деревянных изделий различного назначения. Среди медной утвари, характерной больше для городов, много экспонатов, украшенных чеканкой. К сожалению, медная посуда плохо паспортизована. В числе деревянной утвари и предметов быта, собранных в горных районах республики, имеются разные сундучки-укладки, игрушки, поставцы для своеобразных светильников-лучин, маслобойки, ложки, мерки для зерна, сапожные колодки, пеналы, гребни, резные двери, филенки и пр. Нужно особо упомянуть колыбы — резные доски-штампы для изготовления набивных тканей.

В собрании представлены ткацкие станки из Дарваза, с Памира и из Каратага. Довольно много в нем мелких сельскохозяйственных орудий — серпов, копалок и др. — крупных же мало, так как условия хранения не позволяли приобретать громоздкие предметы.

Поскольку Институт не располагает помещением для показа всего этнографического собрания в целом, силами сотрудников сектора этнографии создана стационарная выставка — показ фондов отдельным специалистам, учащимся, а также коллективам работников учреждений и предприятий. Собрание послужило исходным материалом для составления альбомов, каталогов и проспектов⁶.

⁶ З. А. Широковой был составлен и опубликован 1-й выпуск каталога «Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», Душанбе, 1956. Кроме упомянутого выше «Альбома одежды таджиков» А. К. Писарчик подготовила с участием художниц Ю. П. Гремячинской и Х. А. Жаба цветной альбом «Народное прикладное искусство», Н. Н. Ершов с помощью художницы Х. А. Жаба подготовил небольшой альбом орнамента припамирских таджиков для вышивки крестом (еще не опубликован). Предметы нашего собрания представлены и в цветном альбоме таджикских сувениров, подготовленном в Москве.

Коллекции широко используются научными сотрудниками Института для иллюстрирования работ по этнографии и прикладному искусству таджиков.

Институт истории им. А. Дониша принимал и принимает участие в выставках прикладного искусства таджиков как у нас в стране, так и за рубежом. Наиболее крупные из них — в Москве в 1957, 1960, 1963, 1967 (дважды) и 1968 (дважды) гг.; в Ленинграде в 1957, 1964 и 1969 гг.; в Риге в 1957 г.; в Новосибирске в 1969 г. Институт также посылал свои экспонаты на выставки в КНР (1959 г.), Пакистан (1967 г.), Народную Республику Кубу (1967 г.), в Канаду на ЭКСПО в Монреале (1967 г.), НРР (1967 г.), Бельгию (1969 г.), Индию (1972 г.), ГДР (1974 г.).

В заключение приведем отрывки из отзывов некоторых посетителей нашего собрания коллекций.

Директор Государственного Эрмитажа Б. Б. Пиотровский (2.X.1968 г.): «Великолепное собрание. Собрано все с большим знанием и любовью... Эта коллекция отражает народное творчество, большое культурное наследие»; акад. А. Садовский (25.V.1974 г.): «Это не музей, а утешение для души. Редко получал такое необычное удовольствие и радость. Как приятно окунуться в океан народного творчества и лишний раз убедиться в его безбрежности»; акад. И. П. Алимарин (28.V.1974 г.): «Я восхищен богатой коллекцией старины и национального искусства таджикского народа»; акад. П. Л. Капица (29.VI.1974 г.): «Собранная Институтом истории АН ТаджССР уникальная коллекция произведений народного искусства свидетельствует о необыкновенной художественной одаренности таджикского народа. Музей, который, как мы убедились, будет вскоре создан на базе этой коллекции, станет одним из интереснейших музеев страны и привлечет в Душанбе тысячи любителей искусства».

Мы тоже надеемся на это.
